

^ 1992. Андрей Большаков и Марк Меерович с выпускниками группы А-87

Факел. Учитель / A Flame. A Teacher

v 2010. Сибэкспоцентр. Выставка Союза дизайнеров

Меньше всего хочется писать этот текст, о котором месяца два назад и не мыслилось: Марк был жив, весел, бодр, здоров, планов и дел громадье, как это обычно у него и случалось. Я встретила его совершенно случайно в сентябре на улице, он шел улыбаясь, залитый солнцем; мы немедленно зацепились разговором «за конструктивизм» и тут же разошлись, потому что Марк страшно спешил, а договорить решили позже: вот он придет со Светой к нам на новоселье – так и поговорим всласть про эти лапидарные формы.

27 сентября от него пришло ТО письмо, первое, страшное, абсолютно непонятное, накрывшее нас всех куполом ужаса, потому что Марк, в присущей ему логичной и эмоциональной манере сообщал, что болен, жить осталось 2,5 недели. И замолчал. Это было как из какого-то фильма кошмаров, и казалось – все разрешится: может, недоразумение какое, может, почту взломали? Но эта была самая пронзительная правда; уж лучше бы солгал в чем, но нет – Марк не врал ни нам, ни себе, и Бог весть как он жил эти недели с такой истиной, потому что эта ноша превышает все человеческие силы. 15 октября пришло второе письмо, и мы облегченно вздохнули: «планово-расчетный срок кончины» миновал, а он все еще жив, и впереди – сложный этап. Казалось – ура, проскочил. 18 октября 2018 года Марка Мееровича не стало. Через три дня его хоронили, и я видела, как медленно завинчивается штырь в крышку

его гроба. Все. Марк Григорьевич завершил свой основной проект, и это была последняя точка.

Теперь остается как-то суметь подобрать слова и воспоминания, попытаться склеить рассыпавшийся мир, в котором нет Марка. Ни теперь поговорить с ним, ни посмеяться, ни поспорить – ничего... Смерть – коммуникация без обратной связи. Остается только формулировать понимание уникальной личности Марка Мееровича, потому что такие рождаются раз в сто-двести-триста лет как подарок, и смысл этого дара становится отчетливо понятным, когда его отбирают навсегда.

Марк – абсолютно гармоничная личность. Все, за что он брался, принимало совершенный законченный вид. Он – человек результата, человек, который был способен смоделировать мир так, как считал нужным. Его семья, его творчество, работа, наука, отношение к людям безупречны по сути и красиво построены по форме. Даже смерть свою он сумел срежиссировать, дав понять всем, как и что должно произойти. Это совершенно в духе традиций Древнего Рима: бытие и небытие на виду у всех. Жил достойно и ушел в смерть достойно. Как воин.

Если проводить какие-то сравнения, то он был Моцартом. Легким, веселым, артистичным, пьющим идеи из воздуха и щедро дарящим их миру. И при этом постоянно работающим, вкалывающим на все сто. С одной стороны, Марк был очень системный, с другой – абсо-

^ В усадьбе Дома архитекторов. Марк Меерович с архитектурной молодежью

^ 2008, Иркутск, сквер Кирова. Встреча однокурсников, 30-летие первого выпуска архитекторов. Марк и преподаватель Мира Яковлевна Ашихмина

лютно свободный во всем, смелый. Я иногда цепенела от его храбрости, но он неизменно оказывался прав и выигрывал. Он учил думать, тыкал носом в дурость, яростно спорил и искренне радовался. У него был дар радости: редкий дар, божий. А учил между делом, в деле, даже просто в какой-то легкой болтовне, учил, настойчиво учил. Когда я писала под его руководством кандидатскую, он просто вытащил мой мозг, перетряс и вставил в черепную коробку совершенно другой. Я стала думать по-другому, смотреть на вещи под иным, совершенно новым углом. Так может сделать только Учитель с большой буквы. Да он многих учил. И за многих радовался. Попадало в цель. Или еще попадет и прорастет, эти божественные искры долго тлеют, а нас много – его учеников и его друзей, почва есть благодатная.

Тогда, после его письма, я думала: он выскочит из болезни, войдет в те немногие проценты, которые выздоравливают. Он ведь всегда все делал неправильно, нестандартно, не так, как принято, он был гением, а гений идет по своему, только ему ведомому пути. Иногда мне казалось, что ему просто скучно и он идет на эксперименты. Захотел – и стал дважды доктором наук. Кто у нас теперь доктор истории и доктор архитектуры одновременно? Никто – да и будут ли такие? Марк смог, и это неудивительно: его мозг требовал новой информации, действий, открытий, достижений, для него это было естественное состояние. Сам он, как человек

солнца (очень любил солнце, как будто подпитывался от него), всегда был в движении и постоянно пытался объять и обнять весь мир, людей, Иркутск, который отчаянно защищал, потому что по природе своей был гуманистом.

Даже уходя, он сделал подарок, самый лучший. Он написал нам всем: «Финал один – ЖИЗНЬ!» Написал, и через три дня шагнул в вечность.

Вместо послесловия. Марк похоронен на пригорке, рядом растет рябина, внизу расстилается город, дома-дома-дома, панорама. Это красиво. Когда хоронили 21 октября, было очень холодно, до костей, ветер, и зябко так, что стоишь и трясешься мелко. Небо серое, все серо, жидкий свинец. Когда все было кончено, и на холм положили все цветы, утвердили венки, поставили памятник с портретом, я увидела, как на секунду выглянул нежный луч солнца и лег на могилку. Как легкий мазок на холст – раз и все, ускользнул и снова монохром.

– Видел? – спросила я у Василия Лисицина. Он видел. И еще люди видели. Значит, мне не показалось. Это была как прощальная светлая улыбка Марка.

И вот после этого стало немножечко полегче.

Яна Лисицина / Yana Lisitsina

v Светлана и Марк

